

слѣдному бою. Ограничивая такимъ образомъ область социалистической борьбы и силу вліянія идеи, революціонные синдикалисты тѣмъ самымъ строятъ свой социализмъ на очень ненадежномъ и шаткомъ фундаментѣ. Откуда, въ самомъ дѣлѣ, увѣренность, что синдикальное движеніе будетъ всегда носить радикальный революціонный характеръ, что оно, по мѣрѣ своего развитія и роста, не перейдетъ постепенно къ реформизму, къ умѣренности? Практика Англіи и Германіи показываетъ, что такая возможность очень и очень вѣроятна въ томъ случаѣ, если синдикализмъ не подчинитъ разъ навсегда узкаго духа корпоративности широкому идеалу. И въ Англіи, и въ Германіи, синдикаты въ первую пору своего развитія были очень революціонны и прибѣгали довольно часто къ крайне рѣзкимъ формамъ борьбы. Но по мѣрѣ того, какъ синдикальное движеніе въ этихъ странахъ разрасталось вглубь и въ ширь, втягивая все болѣе и болѣе значительныя массы рабочихъ, синдикаты теряли свою революціонность и становились умѣренными. Причинъ этого явленія не нужно искать далеко. Пока синдикаты слабы и бѣдны средствами, у нихъ нѣтъ въ рукахъ другого оружія для отстаиванія своихъ интересовъ, кромѣ стачки, которая опять таки вслѣдствіе отсутствія денежныхъ ресурсовъ, быстро приводитъ рабочихъ въ отчаяніе и толкаетъ на крайности. Но когда сила синдикатовъ увеличивается, а кассы ихъ наполняются, то оказываются возможными другія формы борьбы. Синдикаты могутъ вліять на рынокъ труда, регулируя въ известной степени соотношеніе предложенія и спроса, что достигается при помощи специальной статистики и выдачи субсидій безработнымъ на поѣздки въ тѣ центры, гдѣ, согласно статистическимъ свѣдѣніямъ, ощущается необходимость въ рабочихъ рукахъ. Синдикаты могутъ также серьезно помогать во время безработицы, доставлять мѣста своимъ членамъ, учреждать кассы страхованія и всевозможныя формы взаимопомощи, наконецъ, въ случаѣ забастовки, солидная синдикальная касса позволяетъ вести борьбу долго и терпѣливо. Но это еще не все. Самое главное заключается въ томъ, что богатый крупный синдикатъ никогда не рѣшится съ такой легкостью, какъ мелкій и бѣдный, вступить въ конфликтъ, въ которомъ онъ рискуетъ своей организаціей, созданной годами долгихъ усилій. Онъ поэтому проявляетъ болѣе осторожности, болѣе умѣренности и примирительности и питаетъ отвращеніе къ рискованнымъ дѣйствіямъ, къ столкновенію съ легальностью. Эта общая тенденція синдикальнаго движенія, находящаяся безусловно въ известной, но ограниченной, зависимости и отъ политическихъ и отъ національныхъ условий, вліянія вождей и т. д., замѣчается даже и во Франціи. И здѣсь наиболѣе старыя, наиболѣе сильныя синдикаты являются вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе умѣренными, наиболѣе приближающимися къ тредъ-юнионистскому типу своими способами дѣйствія. Таковы, наприкладъ, синдикаты печатниковъ, объединенные въ на-

циональную федерацію „Книги“, синдикаты углекоповъ, насчитывающіе около 150 тысячъ членовъ, синдикаты текстильщиковъ, группирующіе около 40.000 человекъ, синдикаты желѣзнодорожныхъ служащихъ, группирующіе 60 тысячъ человекъ и т. д.¹⁾

Итакъ, если опытъ что либо говоритъ намъ, такъ это то, что корпоративно-синдикальное движеніе *само по себѣ*, т. е. поскольку оно не идеализировано глубоко чисто социалистическими цѣлями, имѣетъ шансы скорѣе сдѣлать болѣе мелкими и болѣе вялыми формы борьбы, чѣмъ расширить и обострить ихъ. Но тогда какой же смыслъ замыкать въ этотъ узкій и обезсиливашій кругъ синдикатовъ глубокую и многостороннюю борьбу трудовыхъ массъ за *интегральное* ихъ освобожденіе?

Еще одинъ важный недостатокъ революціоннаго синдикализма — это неопредѣленность и неразработанность его отношенія къ крестьянству. Революціонные синдикалисты не возлагаютъ своихъ надеждъ на концентрацію и пролетаризацію.²⁾ Сорель утверждаетъ, что къ моменту революціи крестьянство не исчезнетъ; слѣдовательно съ нимъ надо считаться. Чтобы привлечь его на свою сторону или хотя бы нейтрализовать, необходимо создать въ немъ организаціонную опору; это ясно, какъ день. Однако, въ теоріи революціонныхъ синдикалистовъ мы не находимъ ничего опредѣленнаго по этому поводу.

Въ этомъ отношеніи первые пioniры практики революціоннаго синдикализма обнаружили болѣе проницательности. Такъ наприкладъ, Пеллутъ, основатель федераціи Биржъ Труда, писалъ слѣдующее въ своей посмертной книгѣ „Histoire des bourses du travail“: — „Крестьянинъ обладаетъ, быть можетъ, въ болѣе степени, чѣмъ городской рабочий, коммунистическимъ чувствомъ, онъ обладаетъ имъ, пожалуй, именно въ силу своей жажды прибыли, своего горячаго желанія замѣнить свою непрочную собственность обезпеченнымъ владѣніемъ; прекрасныя и интересныя примѣры даютъ намъ въ особенности крестьяне Бельгіи и Германіи. Если биржи труда терпѣливо и умѣло, не пытаясь форсировать теченія вещей, войдутъ въ соприкосновеніе съ тружениками земли, они втянутъ очень скоро въ пролетарскую армію новыхъ солдатъ, которыхъ, правда, трудно будетъ убѣдить, но которые, разъ убѣдившись, не преминутъ обнаружить не-

¹⁾ Указываемой мною тенденціи синдикальнаго движенія не отрицаютъ и сами революціонные синдикалисты. Они только думаютъ выйти изъ затрудненія, проповѣдая теорію меньшинства, рекомендуя принимать въ синдикальныя организаціи только наиболѣе энергичныхъ и смѣлыхъ рабочихъ и предохраняя отъ созданія крупныхъ, богатыхъ и централизованныхъ синдикатовъ. Но не сужается ли тогда и вся самодѣятельность широкой массы рабочаго класса, не выдѣляется ли въ инициативномъ меньшинствѣ новая и быть можетъ очень опасная „іерархія“?

²⁾ По Сорелю, такъ называемый (выраженіе Сореля) законъ концентраціи есть не болѣе, какъ гипотеза о нормѣ капиталистической прибыли. См. Agriculture et économie, въ Revue Socialiste, juin 1901).